

Культура. - 1993. - 13 марта. - с. 10.

Гор Видал:

Когда мумия

Известный американский прозаик и сценарист о проблеме подлинного

Как-то Гору Видалу задали вопрос: что он думает об истории Соединенных Штатов Америки XX века, основные события которой прошли перед его глазами? Он ответил, что могло быть и хуже. Знаменитый писатель, он никогда не боялся говорить без обиняков. Свидетельство тому его романы 60-х годов «Лучший человек» и «Вашингтон Д. С.». Сегодня, продолжая отдавать должное литературе, он возлагает большие надежды на кино — Десятую Музу. Мы с некоторыми сокращениями перепечатаем монолог-исповедь Гора Видала из английской газеты «Обсервер».

НЕДАВНО я просматривал старые газеты и обнаружил, что когда-то был знаменитым романистом. Вначале я хотел себя успокоить: таковым и остаюсь! Но потом понял, что говорю не о себе, а скорее о некой категории, к которой раньше принадлежал и которой больше не существует. Я все еще есть, а категории — нет. Как романист может оставаться знаменитым — невозможно, насколько хорошо он может быть известен представителям прессы — если роман сам по себе недоступен цивилизованному большинству? Сегодня вообще не существует знаменитых романистов, как не существует и знаменитых поэтов. Ведь быть знаменитым — это когда о тебе много говорят и в основном в благоприятном контексте. Еще лет тридцать назад ро-

маны читались и обсуждались теми, кто их не писал, но читались реально. Книга тогда могла быть знаменита. Сегодня публика редко вспоминает книгу, хотя люди до сих пор часто говорят о достоинствах экранизации того или иного непрочитанного романа.

Если то, что написано тобой, известно лишь нескольким энтузиастам или специалистам (Фолкнер сравнивал любителей литературы с теми, кто выводит ценные породы собак: их очень мало, но они просто помешаны на родословной), тогда художник не просто незначителен, он выпадает из своего времени, из того единственного времени, которое находится в его распоряжении. Не должен он мечтать и о горячих поклонниках в будущем веке, как мечтал об этом Стендаль.

Сегодня там, где раньше была Литература, господствует Кино. Действует ли Десятая Муза на киноэкране, в катодной ли трубке, для нас

не может существовать никакой иной реальности, кроме этой, поскольку реальность приобретает смысл лишь тогда, когда становится фактом искусства. Для Агори искусство ныне — это изображение и звук. А книга захлопнута. Чтение в любом его виде приходит в упадок. Половина американцев никогда не читает газет. Половина — не голосует за президента. Та же самая половина, немая?

Когда мне было два года, немое кино заговорило. Десятая Муза изрекла человечеству: «Вы же еще ничего не слышали». Так началось живое, озвученное кино.

В ПЕРВЫЕ я пошел в кино в 1929 году. Отец повез меня на просмотр в Сент-Луис, где он был главным управляющим первой трансконтинентальной авиакомпании.

Помню, когда я шел по проходу в темном зале, актриса на экране задала вопрос кому-то за кадром, а я

неожиданно для всех ответил на него очень громко. Когда заговорило немое кино, я стал отвечать на все вопросы, которые мне задавали двухмерные вымышленные герои.

Моя биография неотделима от истории развития звукового кино. Хотя я много и прилежно читал лет с шести, кино настолько одурманило меня, что однажды, в Вашингтоне, — городе, где я вырос, за одно воскресенье я посмотрел пять кинофильмов. Но если в те времена, чтобы посмотреть пять фильмов, нужно было потратить массу усилий, денег и времени, сегодня все гораздо проще: экран приблизился к зрителю с помощью телевидения и видеокассет, и мы причащаемся к Богу киноискусства, не покидая удобного кресла.

Думаю, любого человека рано или поздно осеняет мысль о том, что гораздо важнее сути самих вещей то, как они воспринимаются. Мы видим, скажем, проблемы секса, отнюдь не таковыми,

каковы они на самом деле, а сквозь призмы религии, системы образования, прессы и — наконец, торжествующего в своем всезнайстве кинематографа.

Когда я смотрел репортажи Си-эн-эн о войне в Персидском заливе, меня не покидала мысль, что они были искусно срежиссированы теми, кто и заправлял этой войной. Зачем был придуман этот особый жанр кинематографа, нам пока не вполне ясно. Равно как нам и не дано знать, что на самом деле может случиться, пока кто-нибудь не сделает закулисный фильм типа «Плохое и прекрасное» или «Взвод в пустыне» — жесткий, сильный фильм, такой же в своем роде ирреальный, как и фильм совместного производства Си-эн-эн и Пентагона.

В феврале 1991 года история творилась на наших глазах. Изо дня в день мы видели процесс монтажа и озвучивания. Пассивны были не только мы, зрители, но в некоем мистическом смысле и актеры, действовавшие на экране: и все это напоминало часть обвального процесса, который вышел из-под контроля. Даже Орсон Уэллс наших дней, великолепный Герман Норман Шварцкопф в конце концов представлял собой не более чем лучок пульсирующих электронов в катодном луче.

И неожиданно на меня нисходит дар пророчества! Спонсоры компании «США инкорпорейтед» нас еще пригласят на зрелище, в котором герой войны в Персидском заливе противостоит слишком уж самонадеянному Терминатору. Шварцкопф против

Шварценеггер! И это будет очень напоминать главную сюжетную линию моего старого фильма по роману «Лучший человек», название которого, конечно же, имеет ироничный оттенок.

ХОТЯ многих храмов кино, из которых я не вылезал во времена моей вашигтонской юности, больше нет на свете, моя память еще удерживает их образ и даже запахи. Через дорогу от театра «Трежер», куда в свое время ходил смотреть водители Вудро Вильсон, находился кинотеатр «Кейтс». Там можно было усладиться классикой, которая поначалу выходила за рамки моего кругозора и вкуса. Репертуар этого кинотеатра был слишком уж величественный по сравнению с тем, что можно было увидеть за углом Четырнадцатой улицы. Там, в кинотеатре «Беласко», всегда можно было посмотреть стоящие фильмы.

Именно в «Беласко» я впервые увидел себя в киножурнале. В возрасте десяти лет мне пришлось совершить мягкую посадку на личном самолете. Мой отец в те времена, при Рузвельте, был руководителем коммерческой авиакомпании и страстно увлекался рекламой новой модели дешевого частного самолета. По-видимому, тогда он всерьез верил в то, что если почти каждый гражданин может позволить себе автомобиль, то и самолет не такая уж недостижимая штука. Годы жизни он отдал мечте: у каждого в гараже должен стоять свой самолет. Благодаря его одержимости я тогда и попал в киножур-

нал. А потом в своих автобиографических записках я обличал во лжи Трумена Капотте, который хвастал своему другу детства Харперу Ли, что летал на самолете, когда ему было десять лет...

Сегодня жизнь любого человека от рождения до самой смерти можно снять на пленку видеокамерой. Но мое поколение на заре юности не имело возможности обесмертить себя таким образом, если, конечно, ты не был кинозвездой или персонажем из киножурнала. А ведь было время, когда я очень хотел стать кинозвездой. Особенно мне хотелось быть похожим на Микки Руни и сыграть, как он, роль Эльфа в фильме «Сон в летнюю ночь». Этот фильм Макса Райнгардта я посмотрел в 1935 году. Очарованный картиной, я прочел шекспировскую пьесу, наполовину угадывая смысл некоторых старинных слов. Пристрастившись к этому новому во многом и странному для меня языку, я к шестнадцати годам прочел всего Шекспира. Думаю, мое увлечение классиком было единственным в моем роде. Другие дети, если и открывали Шекспира, то лишь надеясь обнаружить там полубившегося им на экране Микки или в поисках острых ощущений от Афинского леса, населенного мифическими существами, среди которых, если и встречались простые смертные, то были они наделены способностью к жутким превращениям.

Главные вашигтонские кинотеатры находились на восточной стороне Четырнадцатой улицы. Самый большой из них — «Капитолий», с кон-

цертной сценой, на которой дирижировал Сэм Джек Кауфман. Его я однажды совершенно случайно встретил в кафе рядом с кинотеатром. На нем было оранжевое пальто, хорошо смотревшееся в ансамбле с такой же оранжевой шляпой. Между киносеансами в «Капитолии» давали изысканные представления...

Но самым любимым для меня был маленький кинотеатрик «Метрополитен». Именно там и крутили ленты студии «Уорнер бразерс». Атмосфера в «Мете» была какой-то беспутной. Внизу у сидений всегда можно было нащупать приклеенную резинку. «Дентайн», — приятная новинка в те времена. Недурно было и в «Паласе», и в «Транслуксе» (где показывали лишь киножурналы и хронику и куда я только начинал ходить), с его супермодным арт-декором. Там почему-то все время пахло медом. В дни коронации Георга VI в фойе кинотеатра была выставлена миниатюрная карета с фигурками лошадей. Помню, ту карету мне хотелось больше всего на свете. Но за нее отец предложил хозяину кинотеатра слишком маленькую сумму.

Позже я приобрел карету с помощью своего крестного отца и присоединил ее к коллекции разных курьезных вещей, в том числе и армии оловянных солдатиков, которые хранились на чердаке в Мерриууде. Здесь я разыгрывал бесконечную серию драм, которые сочинял самостоятельно. Вообще, если фантазию можно было бы сравнить с револьвером, то на ее курок нажал оловян-